

ГОСУДАРСТВО И РЕЛИГИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ (Статья первая)

© 2015 г. Орест Владимирович Мартышин¹

Аннотация: анализ усиливающегося воздействия религии на государственную символику, правовое положение “традиционных религий” и систему государственного и муниципального образования.

Annotation: analysis of increasing influence of religion on state symbols, legal status of “traditional religions” and system of state and municipal education.

Ключевые слова: светское государство, религиозное объединение, свобода совести, “традиционные религии”, отделение религии от государства.

Key words: secular state, religious association, freedom of conscience, “traditional religions”, separation of religion from state.

Закон “О свободе совести и о религиозных объединениях” от 26 сентября 1997 г. ознаменовал новый этап развития государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации². Крепнет взаимодействие между государством и организациями так называемых традиционных религий, в первую очередь самой влиятельной среди них – Русской Православной Церкви; афишируется присутствие первых лиц государства на религиозных церемониях, стало правилом участие представителей высших органов власти во Всемирном русском народном соборе, проводимом РПЦ; религиозные объединения привлекаются к осуществлению ряда государственных функций. Эти тенденции воплощаются в проникновении религиозных мотивов в государственную символику, пропаганде и привилегиях “традиционных религий”, преподавании в школах основ религиозных культур, во введении должностей священников в армии, флоте и системе отбывания наказаний, в новом законодательстве о возвращении имущества религиозным организациям и, наконец, в Законе о защите религиозных чувств.

* * *

Представляется аксиомой, что символы государства должны соответствовать его конституции. В Российской Федерации этот принцип не соблюдается. Государственный герб с двуглавым орлом, украшенным двумя малыми и одной большой короной, держащим в лапах скипетр и державу, и с серебряным всадником в синем плаще

на серебряном коне, поражающим серебряным копьем черного опрокинутого навзничь и попранного конем дракона, навеян реминисценциями о дореволюционной России.

“Символика государства должна отражать нашу историю – и дореволюционную и послевоенную”, – заявил 7 декабря 2000 г. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. С одной стороны, продолжал он, флаг и герб, отражающие дореволюционную историю, с другой – музыка Александрова, которая “помогала объединять нашу страну в трудные годы, восстанавливать ее из разрухи в послевоенный период”³. Когда это говорилось, еще не был утвержден текст гимна, что произошло лишь 30 декабря того же года (Указ Президента РФ № 2110). Мысль Патриарха о том, что флаг и герб отражают дореволюционную историю, бесспорна. Музыка Александрова, конечно, напоминает о советской эпохе и как будто подчеркивает определенную преемственность с ней. Но во введенном 30 декабря 2000 г. тексте гимна есть слова, вновь обращающие нас к дореволюционной традиции: “Россия – священная наша держава”, “храняемая Богом родная страна”. “Священная держава” – теократическая категория, унаследованная царской Россией от Византии. Она означает нерасчлененность церкви и царства, “симфонию властей”, высший уровень их единства в сравнении с традиционным для средневековой Европы союзом трона и алтаря. Совместимо ли обращение гимна к сакральному со светским характером Российской Федерации, провозглашенным в ст. 14 Конституции? На это несоответствие неоднократно обращали вни-

¹ Профессор кафедры теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук.

² См.: Мартышин О.В. Два закона о религиозных объединениях // Гос. и право. 2015. № 2.

³ ИТАР-ТАСС // Православие.ru

мание в литературе, в том числе юридической. Известна и прямая постановка вопроса перед органами власти. В 2005 г. А. Никонов обращался по этому поводу с жалобой в Конституционный Суд. В ноябре 2009 г. и марте 2010 г. депутат Государственной Думы Б. Кашин (фракция КПРФ) вносил на рассмотрение нижней палаты Федерального Собрания законопроект об изменении текста гимна и исключении из него слова “Бог”⁴. 3 июня 2011 г. Государственная Дума отвергла предложение Б. Кашина. Ни одна из партий, в том числе и КПРФ, его не поддержала. За изменение текста гимна проголосовали лишь два депутата⁵. Коллизия между текстами Конституции и гимна остается. Согласно классическим коллизионным нормам она должна быть разрешена в пользу Конституции как акта высшей юридической силы.

Отмеченные места в тексте гимна напоминают соображения известного русского философа и юриста И.А. Ильина на последнем, послевоенном этапе его творчества, для которого характерно укрепление консервативных настроений. “Об основных законах будущей России” – так называлась одна из статей, где И.А. Ильин предложил формулировки принципиальных основ российской государственности, как он их понимал, своего рода набросок конституции. Вот некоторые фрагменты: “Статья 1. В порядке Божьего изволения возникшее, Божьим Промыслом в веках ведомое Российское государство утверждается как установление по духу своему христианское и национальное, призванное ко хранению и осуществлению закона правды в жизни российских народов. Статья 2. Российское государство есть правовое единство священное...”⁶. Не эти ли идеи получили краткое выражение в отмеченных местах гимна? Ведь особая популярность И.А. Ильина в кругах современных российских консерваторов известна. Принципиальная разница между двумя текстами состоит в том, что Ильин предназначал “свою конституцию” для православной монархии.

* * *

Законодательство Российской Федерации не знает категории “традиционные религии”, хотя, как отмечает проф. А.В. Пчелинцев, в проекте

преамбулы Закона 1997 г. такой термин содержался⁷.

В праве ряда зарубежных стран термин “традиционные религии” (или близкие к нему) встречаются⁸. Любое подразделение религиозных организаций на категории или группы, обладающие разным правовым статусом, противоречит принципу равенства, закрепленному международным и конституционным правом. Различаются степени этого неравенства. В одних странах оно смягчается предоставлением всем конфессиональным организациям права осуществлять все виды религиозной деятельности несмотря на неодинаковый правовой статус. Таковы Латвия, Литва, Испания, Австрия. В других (Болгария, Греция) наблюдаются ограничения нетрадиционных, негосподствующих религий.

Российский Закон 1997 г. принадлежит именно к последней категории. Он устанавливает разную правоспособность для религиозных объединений. Правда, критерием их неоднородности провозглашены не традиционность или нетрадиционность, а давность их деятельности и регистрации. Но за этим формальным, юридическим основанием все же стоят представления законодателя о разной роли конфессий в истории и современной жизни России. Об этом свидетельствуют выделение в преамбуле Закона “особой роли православия”, декларация об “уважении” к религиям, “составляющим неотъемлемую часть исторического наследия народов России”. Юридическую дефектность этих формулировок демонстрирует А.В. Пчелинцев. Иронизируя по поводу “уважаемых религий”, что действительно допускает наличие и “неуважаемых”, он замечает: «...добавка “и другие” внесла неопределенность и заведомо принизила попытку законодателя особо выделить уважаемые (читай: традиционные) религии. Означает ли сказанное, что термин “традиционные религии” не имеет права на существование в отечественном законодательстве? Отнюдь нет. Но в этом случае законодателю, очевидно, придется дать исчерпывающий перечень традиционных религий (без добавления “и другие”) и возможные пути получения этого статуса. Подобный опыт имеется в ряде европейских государств»⁹. Не менее неопределенно и упоминание христианства среди “уважаемых” религий. Поскольку о православии сказано особо, напрашивается вывод, что

⁴ См.: А Бог и ныне там // Интерфакс 26 марта 2010 г.; Бог победил коммунистов. Гимн России останется прежним // РИА Новый регион – Россия. 2010. 30 марта.

⁵ См.: Интерфакс. 2011. 3 июня.

⁶ Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 гг. В 2-х т. Т. 2. М., 1992. С. 72, 73.

⁷ См.: Свобода религии и права верующих в современной России. М., 2007.

⁸ См.: Мартышин О.В. Государство и религия (Из мирового опыта) // Государство и право. 2012. № 11. С. 38, 39.

⁹ Пчелинцев А.В. Указ. соч. С. 104, 105.

речь идет о неправославных ветвях христианства. Значит ли это, что все христианские конфессии рассматриваются как “неотъемлемая часть исторического наследия народов России”? Закон не дает ответа на этот вопрос.

Хотя в российском законодательстве нет понятия “традиционные религии”, в жизнь общества оно вошло. Этим понятием нередко пользуются не только публицисты, но и должностные лица самого высокого ранга. При отсутствии законодательного определения “традиционной религии” они сами наполняют это понятие содержанием. В статье “Россия: национальный вопрос” В.В. Путин писал о необходимости общественной дискуссии по вынесенной в заглавие статьи проблеме и активного участия в ней “традиционных религий России”. Далее следует: “В основе православия, ислама, буддизма, иудаизма – при всех различиях и особенностях – лежат базовые, общие моральные, нравственные, духовные ценности: милосердие, взаимопомощь, правда, справедливость, уважение к старшим, идеалы семьи и труда”¹⁰. В.В. Путин воспроизвел перечень религий, упомянутых в преамбуле Закона 1997 г. Создается впечатление, что в представлении автора статьи это и есть список “традиционных религий”, причем исчерпывающий, без всяких “и другие”. В нем отсутствует христианство, упомянутое в преамбуле Закона 1997 г. помимо православия или наряду с ним. Тем самым христианство сводится исключительно к православию.

Между тем перечень традиционных религий, приведенный в цитируемой статье, воспроизводится и в некоторых документах, исходящих непосредственно от органов государственной власти. В проекте концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории, подготовленном Министерством образования и науки России, говорится: “История религий, в первую очередь православия, должна излагаться системно и пронизывать собой все содержание учебника. Обязательно также в учебник включить сведения о распространении основных нехристианских конфессий (ислама, иудаизма и буддизма) на российской территории”¹¹. Перечень четырех религий, признаваемых традиционными, прочно вошел в общественное сознание. По мнению Б.З. Филикова (Центр изучения религий РГГУ), “РПЦ удалось добиться, чтобы в число нетрадиционных попали не только новые религиозные движения (что еще можно понять), но и католики,

а главное, протестанты – самые опасные конкуренты”¹².

Смысл деления на традиционные и нетрадиционные религии, остающегося до сих пор не зафиксированным в законе, т.е. неофициальным, – в особом покровительстве “традиционным религиям”. “Убежден, государство, общество должны приветствовать и поддерживать работу традиционных религий России в системе образования и просвещения, в социальной сфере, в вооруженных силах”¹³, – писал В.В. Путин. Создается впечатление, что на нетрадиционные религии поддержка не распространяется. Иными словами, “традиционные религии” пользуются особым расположением государства, что нарушает принцип равенства религиозных объединений перед Законом, провозглашенный в ч. 2 ст. 4 Конституции РФ. Ныне этот принцип нередко ставится под сомнение. Председатель Синодального отдела РПЦ по взаимоотношениям церкви и общества протоиерей В. Чаплин задается вопросом, “насколько адекватен современным реалиям принцип равенства религиозных объединений перед законом”. По его мнению, этот принцип “неизвестен в законодательстве большинства западных стран” и “появился в постсоветских правовых системах в период наивной ультралиберальной эйфории начала 90-х годов прошлого века”¹⁴.

* * *

Очень важную сферу отношений между государством и религией представляет система образования. Современному миру известны немало вариантов определения места религии в образовательном процессе. Они складывались исторически и вписываются в общую картину государственно-конфессиональных отношений. Выделяют три основных типа таких отношений: система государственной религии, система конкордата и система отделения¹⁵. Но все они развивались под воздействием всеобщей тенденции секуляризации, набравшей силу с XIX в.

В странах, где сохранилась государственная религия, естественно ее преподавание в школах. К числу этих стран, как известно, относятся не только Исламская Республика Иран и некоторые арабские государства, но и признанный эталон либерализма – Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии.

¹² Там же. 2011. 6 апр. С. 5.

¹³ Путин В. Указ. соч. С. 4.

¹⁴ НГ-Религии. 2011. 16 нояб. С. 2.

¹⁵ См.: Феррари С. Церковь и государство в Западной Европе: итальянская модель // Мировой опыт государственно-церковных отношений. М., 1998. С. 111, 115.

¹⁰ Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газ. 2012. 23 янв. С. 4.

¹¹ НГ-Религии. 2013. 17 июля. С. 2.

В соответствии с Законом 1944 г. в Великобритании религиозное образование по официально установленным программам обязательно во всех государственных школах. Больше того, все учащиеся этих школ должны присутствовать на коллективных богослужениях (разд. VI Акта о реформе образования 1988 г.). Однако родителям предоставлено право освобождать детей от уроков религии и участия в молитвах. В большинстве государственных школ преподается учение англиканской церкви. Но существуют несколько тысяч государственных религиозных школ, которые контролируются католиками и протестантами. Сложнее обстоит дело с мусульманскими школами. Магометанская община требует создания государственных или субсидирования частных школ, где религиозное обучение концентрировалось бы на исламе. Возможность факультативного изучения других религий по выбору учащихся не исключена¹⁶. Хотя представители религиозных меньшинств не раз заявляли, что их конфессиям уделяется мало внимания, и несмотря на то, что в Великобритании, в отличие от Северной Ирландии, закон не запрещает религиозную дискриминацию, серьезные конфликты на религиозной почве, как правило, не возникают, так как в стране обеспечена высокая степень свободы совести. «Церковь, – пишет об Англии социолог религии Д. Мартин, – никогда не становится осью споров... В результате никто не чувствует себя неуютно со своей религией... Корона и церковь в той мере, в какой они затрагивают общество в целом, низведены до уровня смутного национального чувства, обряда, совершаемого мимоходом»¹⁷.

В странах, придерживающихся системы конкордата, религия также играет значительную роль в образовании. Как правило, эта система создает привилегии для господствующих религий, хотя и утративших статус государственных. Это особенно характерно для католических стран.

В Италии «Латеранские соглашения» Муссолини с Пием XI (1929 г.) провозглашали католицизм «единственной религией государства». Лишь в 1976 г. Италия отказалась от государственной религии. Но и вариант конкордата, подписанный в 1984 г., сохранил за католической церковью большие преимущества в сравнении с другими конфессиями в области образования. Он предусматривает, что в детских садах и начальной школе еженедельно два часа (а в средней школе один час) отводятся на изучение католического кате-

хизиса при полном финансовом обеспечении со стороны государства. Преподаватели назначаются государственными органами по согласованию с церковными властями. Шесть деноминаций, получивших право заключать конкордат с государством, при наличии запроса со стороны учеников, их родителей или школьной администрации могут посылать своих преподавателей в школы. В отличие от католической церкви, эти деноминации сами несут все финансовые расходы, связанные с обучением религии. Другие деноминации лишены права обучать религии в соответствии со своими представлениями в государственных школах¹⁸.

Интересен опыт послевоенной Польши – страны, где католицизм не только является верой большинства населения, но в условиях социалистической системы служил еще и символом национальной идентичности и независимости. Влияние католической церкви было настолько сильно, что Польская объединенная рабочая партия (ПОРП) в первые годы после прихода к власти мирилась с преподаванием катехизиса в школе. Эта практика была запрещена лишь в 1959 г., когда религиозное обучение стало возможным лишь после окончания занятий и притом по желанию родителей¹⁹. Ситуация изменилась в связи с падением коммунистического режима. Статья 53 Конституции Республики Польша гласит: «Религия Церкви или иного вероисповедного союза с урегулированным правовым положением может быть учебным предметом в школе, причем не могут нарушаться свобода совести и религия других лиц». Конкордат с Ватиканом, подписанный в 1993 г. и ратифицированный Сеймом в 1998 г., предоставляет церкви возможность преподавать основы религии в школах и детских садах и организовывать высшее религиозное образование²⁰. Религия вводилась в программу государственной школы как официально дозволенный предмет, причем его сугубо конфессиональный характер провозглашался открыто. Хотя Закон об образовании 1991 г. предписывает религиозное обучение по просьбе родителей, практика установилась такая, что как раз родители, не желающие обучать своих детей религии, пишут заявления об отказе от этих уроков. Допускается обучение и не католической вере. Наконец, учащиеся могут закону Божьему предпочесть уроки этики. Хотя обучение религии по закону является своего рода

¹⁶ Подробнее см.: *Кампер П.* Религиозная свобода в Великобритании // Там же. С. 65–68.

¹⁷ *Martin D.* A general theory of secularization. Oxford, 1978. P. 36.

¹⁸ См.: *Феррари С.* Указ. соч. С. 123–125.

¹⁹ См.: *Martyn D.* Op. cit. P. 213.

²⁰ См.: *Овсценко Ф.Г.* Взаимоотношения церкви и государства в странах Восточной Европы // Мировой опыт государственно-церковных отношений. С. 172.

дисциплиной по выбору, влияние католической церкви обеспечивало его повсеместное распространение, порой и вопреки желанию учащихся и их родителей. В 2010 г. Европейский Суд по правам человека рассмотрел иск польской семьи к государству, поданный в 2002 г., суть которого состояла в том, что их сына лишили возможности изучать в школе этику вместо религии и он был подвергнут дискриминации за отказ от посещения уроков закона Божьего. Однако с сентября 2012 г. уроки религии и этики были переведены в разряд факультативных, и многие школы отказались от обучения религии, что свидетельствует об изменении общественного мнения. Тем не менее католическая церковь настаивает на том, что обучение религии должно быть обязательным и завершаться выпускным экзаменом²¹.

Преподавание религии в государственных школах Германии, также придерживающейся системы конкордата, – следствие давней и практически не прерывавшейся традиции. В кайзеровской Германии существовали государственные церкви. Они были отменены Веймарской конституцией, что вызвало протесты религиозных общин. Тогда было найдено компромиссное решение. Католикам и протестантам был присвоен статус общественных объединений, или юридических лиц публичного права. Преподавание религии в школе было одной из прерогатив общественных объединений. Но ныне в землях ФРГ этим статусом наряду с католиками и лютеранами обладают десятки религиозных общин²². Все они могут быть допущены в школы. К тому же лицам, отвечающим за воспитание детей, предоставлено право освобождать их от посещения уроков религии.

В обеспечении привилегий для основного вероисповедания не отстают и православные страны. В Греции, где православная церковь официально объявлена господствующей, в начальных и средних школах в соответствии с ее канонами ведется обучение религии. Неправославным учащимся разрешается не посещать эти уроки. Таким образом государство обеспечивает православное образование. Иные конфессии, допускаемые государством (а это предполагает согласование с господствующей церковью), могут лишь создавать свои собственные школы.

Иная картина в странах, придерживающихся принципа отделения религии от государства.

В США государственные школы рассматриваются как светские учреждения. Обучение религии в процессе начального и среднего образования не раз служило предметом споров и судебных исков. Решение Верховного суда США 1948 г. по иску В. МакКоллэм исключило любое обучение религии, осуществляемое служителями алтаря, в помещении государственных школ даже на добровольной основе и выделение в рамках школьной программы “свободного времени” для занятий даже вне школьных помещений. Однако в 1952 г. Верховный суд поддержал нью-йоркскую программу использования “свободного времени” для изучения религии вне школьных помещений при наличии запроса родителей²³. В 1995 г. Департамент образования США издал “Руководство по религиозной проблематике в государственных школах”. Оно допускало изучение религии как социального феномена, но не обучение религии с целью приобщения к вере²⁴.

Во Франции светский характер начального образования был установлен Законами от 28 марта 1882 г. и 30 октября 1886 г. Они покончили с установленным при Луи-Наполеоне порядком (Закон от 15 марта 1850 г.), который благоприятствовал религиозному обучению в школе и возлагал надзор за ним, а заодно и нравственное руководство на “священнослужителей разных культов”. Закон 1882 г. запретил религиозное обучение внутри школы. При этом обеспечивалась возможность получать религиозное обучение помимо государственной школы. Статья 2 Закона предписывала государственным школам “бездействовать один день в неделю, кроме воскресенья, дабы позволить родителям дать, если они хотят, своим детям религиозное образование вне школьных зданий” (это правило действует до сегодняшнего дня и включено в Кодекс об образовании²⁵). В частных школах религиозное обучение допускалось²⁶. В 1994 г. министр образования запретил в государственных школах “нарочито политическую или религиозную символику”. Правовым основанием для этого акта послужил Закон, запрещающий религиозные проповеди в школах²⁷.

²³ См.: Дьюрем К. Свобода религии: модель США // Там же. С. 36.

²⁴ См.: Luthfi Assyaukanil Islam and the secular state in Indonesia. Institute of Southeast Asian Studies. 2009. P. 136.

²⁵ См.: Понкин И. В. Современное светское государство. Конституционно-правовое исследование. М., 2006. С. 188.

²⁶ См.: Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908. С. 793, 808.

²⁷ См.: Морено П. К. Свобода вероисповедания во Франции // Мировой опыт государственно-церковных отношений. С. 109.

²¹ Сведения и преподавание религии в польских школах почерпнуты из: Орлова Л. Закон Божий не прошел аттестацию // НГ-Религии. 2012. 5 дек. С. 4.

²² См.: Варнке Ю. Церковно-государственная система в Германии после объединения // Мировой опыт государственно-церковных отношений. С. 75, 76.

Свобода совести означает возможность не только исповедания, но и обучения любой религии (как, впрочем, и иному мировоззрению, к примеру, агностицизму, атеизму). В соответствии со ст. 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах государства-участники обязаны уважать право родителей и законных опекунов “обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями” (ч. 3). В то же время свобода совести предполагает гарантии от навязывания религиозных взглядов, как и атеистических, посредством системы государственного образования.

Статья 2 Конвенции ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования (принята в декабре 1960 г., вступила в силу в мае 1962 г.) допускает создание по религиозным основаниям особых систем образования в соответствии с желаниями родителей или законных опекунов учащихся при условии добровольности участия в этих образовательных учреждениях и их соответствия нормам, установленным компетентными органами образования²⁸.

* * *

В царской России до 60-х годов XIX в. начальное образование народа целиком находилось в руках церкви и осуществлялось через приходские школы. Закон Божий составлял главное содержание этого образования. В эпоху реформ Александра II возникла земская школа. В ней также преподавался Закон Божий, но влияние церкви не было безраздельным. Предполагалось, что церковно-приходские школы перейдут в ведение земства. При Александре III государство вновь сделало ставку на поддержку и развитие церковноприходских школ. С 1884 по 1894 г. их число выросло с 4640 до 31 835. Расходы на их содержание составили почти 3% от бюджета страны, тогда как на земские школы, где учащихся было втрое больше, тратился лишь 1% бюджета²⁹. Инициатором и вдохновителем этой политики был наставник императора, обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев. Он полагал, что школа не должна избыточной информацией отрывать детей от той социальной среды, в которой они живут, что преподаваемых в церковноприходских школах Закона Божия, русского и церковнославянского языков, церковного пения, арифметики, азов

отечественной истории и географии достаточно для воспитания детей в вере, любви к Отечеству, честном отношении к труду и семье, а знания, которые они не смогут применить на практике, лишь развратят их душу неудовлетворенностью своим состоянием³⁰. Естественно, Закон Божий оставался обязательным предметом и в гимназиях, и в других начальных и средних учебных заведениях.

Первые шаги по ослаблению влияния РПЦ на образование предприняло Временное правительство. Оно отменило обязательное преподавание Закона Божьего и передало церковно-приходские школы в ведение Министерства народного просвещения. Советское правительство довело эту линию до конца, издав 13 января 1918 г. Декрет СНК “Об отделении церкви от государства и школы от церкви”. Принцип несовместимости религии с государственной системой образования проводился последовательно и радикально в течение всего советского периода. В Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании провозглашался “светский характер образования, исключаяющий влияние религии”.

В годы “перестройки” в связи с общей либерализацией и оживлением религиозной жизни не мог не возникнуть и вопрос об изучении религии. Было найдено удачное сочетание принципов отделения церкви от государства и свободы совести. Статья 6 союзного Закона “О свободе совести о религиозных организациях” от 1 октября 1990 г. называлась “Отделение школы от церкви (религиозных организаций)” вполне в духе знаменитого Декрета 1918 г. Но она предоставляла гражданам право обучаться религии, а зарегистрированным религиозным объединениям – создавать с этой целью специальные учебные заведения, группы и т.п. Закон РСФСР “О свободе вероисповеданий” от 25 октября 1990 г., не менее последовательно утверждавший светский характер государственной системы образования, пошел еще дальше в обеспечении прав граждан на религиозное воспитание. Помимо негосударственных учебных заведений, занятий на дому или при религиозных объединениях он предусматривал вероучение “в любых дошкольных и учебных заведениях и организациях” на добровольных началах, по желанию граждан. Предполагалось, что осуществлять эту миссию могут “представители религиозных объединений с зарегистрированными уставами” (ст. 9).

²⁸ См.: *Лернер Н.* Религиозные права человека в эпоху Организации Объединенных Наций // *Права человека и религия.* Хрестоматия. С. 204.

²⁹ См.: *Одинцов М.И.* “Школьный вопрос” в России // *НГ-Религии.* 2003. 21 мая. С. 7.

³⁰ См.: *Азаркин Н.М.* Победоносцев К.П. // *История политических и правовых учений.* Ч. III. М., 2012. С. 171.

Тот же подход сохранился и в Законе РФ “О свободе совести и о религиозных объединениях” 1997 г.: религиозное обучение в государственных и муниципальных учреждениях допускается, если родители обращаются с просьбой организовать такое обучение вне рамок школьной программы (ч. 4 ст. 5). Итак, двери государственных образовательных учреждений были открыты для вероучения, хотя только в физическом смысле: религиозное обучение допускалось в школьных зданиях, но вне школьной программы. Опыт отделения религии от государства в США и Франции в этом отношении более последователен. Там исключается религиозное обучение в зданиях государственных школ. В развитие идеи сближения школы с вероучением министр образования РФ издал 1 июля 2003 г. приказ “О предоставлении государственными и муниципальными образовательными учреждениями религиозным организациям возможности обучать детей религии вне рамок образовательных программ”³¹.

Создается впечатление, что этот путь приобщения учащихся к религии оказался малоэффективным. Видимо, граждане не стремились по собственной инициативе обучать детей религии. Как заявила ректор Московского государственного лингвистического университета И. Халеева, “проповедью в церкви или мечети массово привить религиозную культуру нельзя”³².

Тогда по инициативе религиозных деятелей³³ был предложен вариант приобщения учащихся к “традиционным религиям” в рамках школьной программы с помощью новой учебной дисциплины, получившей название “Основы религиозных культур и светской этики” (ОРКСЭ). В августе 2009 г. Президент РФ Д.А. Медведев дал поручение Правительству РФ обеспечить с 2012 г. введение ОРКСЭ в общеобразовательных учреждениях всех субъектов Российской Федерации.

Курс включает шесть модулей: основы православной культуры (ОПК), основы мусульманской культуры, основы иудейской культуры, основы буддийской культуры, основы мировых религиозных культур и основы светской этики. ОРКСЭ – столь же обязательный предмет, как и русский язык или математика, но родителям предоставлено право совместно с ребенком выбрать для изучения один из модулей.

Интересна статистика предпочтений российских граждан в этой области. По данным Ми-

нистерства образования и науки РФ, к началу всеобщего обучения учеников четвертых классов ОРКСЭ выбор модулей распределялся в масштабах всей страны следующим образом: “Основы светской этики” (ОСЭ) – 42.7%, “Основы православной культуры” (ОПК) – 31.7%, “Основы мировых религиозных культур” (ОМРК) – 21.2%, “Основы исламской культуры” – 4%, “Основы буддийской культуры” – 0.4%, “Основы иудейской культуры” – 0.1%³⁴.

Другие источники представили статистику по регионам. По данным департаментов образования, в Москве 47% учащихся предпочли ОСЭ, 27% – ОМРК, 23% – ОПК, в Санкт-Петербурге 52.6% – ОСЭ, 37.74% – ОМРК, более 9% – ОПК. По данным президента Академии повышения квалификации и переподготовки работников образования Э. Никитина, светскую этику предпочли родители Южного (74%), Уральского (73%) и Северо-Западного (62%) федеральных округов, Чукотского автономного округа (83%). ОПК выбрали преимущественно в Центральном и Дальневосточном федеральных округах. В Приморском крае ОПК избрали 62%, а в Уссурийске – 100% родителей. Более половины школьников псковского региона избрали ОПК. “Основы исламской культуры” предпочли 99% родителей в Ингушетии и 100% в Чечне. Особая ситуация сложилась в Татарстане: 61.3% высказались за ОМРК, 38.7% – за ОСЭ³⁵.

Напрашивается ряд выводов из приведенных цифр. В масштабах всей страны в 2012 г. 63.9% родителей высказались против связи школьного образования с конкретной религиозной системой. Они предпочли либо светскую этику, либо обобщающий и сравнительный курс мировых религиозных систем. О том же свидетельствует опрос, проведенный Левада-центром об отношении населения к ОРКСЭ, проведенный в феврале 2013 г. Лишь 22% опрошенных высказались за обязательный характер ОРКСЭ, 43% – считали, что предмет должен быть факультативным, а 31% – убеждены, что религиозное образование должно осуществляться в специализированных воскресных школах³⁶.

Предпочтения родителей неодинаковы в разных районах страны. К тому же они меняются со временем.

Наконец, важно определить, как складываются эти предпочтения. Когда речь идет о выборе модуля ОРКСЭ, в дело вторгаются внешние по-

³¹ Понкин И.В. Указ. соч. С. 217.

³² НГ-Религии. 2012. 5 дек. С. 4.

³³ Там же. 2011. 15 июня. С. 4.

³⁴ Там же. 2012. 19 сент.

³⁵ См.: там же. С. 1, 2.

³⁶ См.: там же. 2013. 6 марта. С. 3.

отношению к воле родителей обстоятельства: каковы возможности школы и ее (а за школой стоят органы управления образованием) позиция (идеальный вариант состоит в том, чтобы она была нейтральна, но так бывает не всегда), каково воздействие религиозных организаций на родителей и в каких отношениях эти организации состоят с государственной системой образования.

Не все школы в состоянии обеспечить педагогов по шести модулям ОРКСЭ. Родителям приходится считаться с этим, чтобы не осложнять положения своих детей. Известны случаи, когда школьное руководство стремится навязать родителям свои варианты, исходя не только из реальных возможностей, но и своих (или структур управления образованием) предпочтений. В г. Миассе (Челябинская обл.) в 2013 г. родители одной из школ подали в суд гражданский иск с требованием обеспечить свободный выбор моделей ОРКСЭ. Истцы утверждали, что школьная администрация обязала всех учащихся посещать только уроки ОПК, что стены школьных коридоров увешаны иконами, звоном колокольчика из учебных помещений изгоняют бесов, в школе составляют списки некрещеных детей и т.п.³⁷

Озабоченность религиозных организаций расширением преподавания соответствующих модулей ОРКСЭ вполне объяснима. На XXI Рождественских чтениях (январь 2013 г.) Патриарх Московский и всея Руси Кирилл заявил, что “серьезное беспокойство вызывает ситуация с введением курса ОРКСЭ в столице: в Московской городской епархии лишь 23,4% родителей учащихся выбрали ОПК. Это самый низкий показатель по Центральному федеральному округу”³⁸. Беда в том, что не только РПЦ, но и некоторые государственные органы склонны воспринимать подобные заявления как руководство к действию. В связи с приведенными выше данными по распределению модулей в Татарстане в 2012 г., где не нашлось места для специального изучения основ ни одной из “традиционных религиозных культур”, заведующий сектором ОПК Синодального отдела религиозного образования и катехизации РПЦ Г. Демидов отметил, что подобная ситуация имела место в Пензе в 2009 г., однако “совместными усилиями руководства Пензенской области, органов управления образованием, руководства Пензенской епархии и Синодального отдела РПЦ она была исправлена”³⁹. Таковы эффективные средства воздействия на выбор модуля ОРКСЭ.

Введение ОРКСЭ свидетельствовало о принципиальном изменении схемы освещения религиозной проблематики в системе государственного образования. Прежде допускалось обучение религии, осуществляемое силами зарегистрированных религиозных организаций, даже в школьных помещениях, но вне школьной программы, на факультативной основе и по желанию родителей. ОРКСЭ введен как обязательный предмет, включенный в государственную программу образования. Как примирить это явление с зафиксированным в Конституции принципом светскости государства?

В руководстве как Министерства образования и науки, так и РПЦ не раз заявляли, что ОРКСЭ – светский, культурологический, а не религиозный предмет. Ведут его не духовные, а светские лица, обычные учителя.

Предмет ОРКСЭ неоднороден. В нем очевидно наличие светского компонента. Таковы, безусловно, основы светской этики. Модуль “Основы мировых религиозных культур” также располагает к культурологическому подходу, который диктуется сопоставлением религий и не должен допускать предпочтений и ранжирования религий по степени их истинности и совершенства. Но как быть с четырьмя модулями, прямо связанными с конкретными религиями? Аргумент людей, провозглашающих светский характер ОРКСЭ, состоит в том, что их никто не навязывает, что им есть альтернатива. Но возможность выбора между модулями говорит об уважении свободы совести, а не о светском характере предмета.

Подтверждение светскости ОРКСЭ видят также в том, что все модули ведут преподаватели-миряне, а не духовные лица. Но содержание четырех конфессиональных модулей контролируется религиозными объединениями. В соответствии с ч. 3 ст. 87 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации” образовательные программы “проходят экспертизу в централизованной религиозной организации на предмет соответствия их содержания вероучению, историческим и культурным традициям этой организации в соответствии с ее внутренними установлениями в порядке, предусмотренном частью 11 статьи 12 настоящего Федерального закона”.

Влияние централизованных религиозных организаций в соответствии с Законом не ограничивается экспертизой. Они “привлекаются” к учебно-методическому обеспечению этих предметов (ч. 6 ст. 87). Образовательные учреждения и педагогические работники “могут получать общественную аккредитацию в централизованных религиозных организациях в целях признания (их. – О.М.)

³⁷ См.: там же. 2013. 3 апр. С. 3.

³⁸ См.: Независимая газ. 2013. 25 янв. С. 2.

³⁹ Там же. 2012. 19 сент. С. 2.

уровня деятельности..., отвечающим критериям и требованиям, утвержденным центральными религиозными организациями в соответствии с их внутренними установлениями” (ч. 12 ст. 87).

Разумеется, главным критерием светского или религиозного характера любого учебного курса служит его содержание. Обратимся к “первому в России” (как написано в аннотации) учебному пособию “Основы православной культуры” А.В. Бородиной. Книга выдержала с 2002 г. шесть изданий и рекомендована Координационным советом по взаимодействию Министерства образования и науки России и Московской Патриархии Русской Православной Церкви (видимо, в Министерстве считают, что такой орган обеспечивает светский характер образования), а также Отделом религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви⁴⁰.

«Понятия “русский” и “православный”, – читаем в учебном пособии, – на Руси до XX века означали одно и то же, а именно: принадлежащий к русской православной культуре» (с. 20). Приводятся слова Ф.М. Достоевского: “Неправославный человек не может быть русским”. Этим задается тон в отношениях с учениками, избравшими ОСЭ и ОМРК.

Пособие могло бы быть признано культурологическим, если бы носило нейтральный, идеологически отстраненный характер, но книга явно мировоззренчески ангажирована, пропагандирует православие и представляет его учащимся как высшую истину. Через все пособие красной нитью проходят две мысли. Во-первых, религиозное мировоззрение необходимо, истинно и благотворно. Оно решает все проблемы человека и общества. Православие для автора – источник “сил для возрождения народа и каждого (даже погибающего) человека” (с. 18). Учащимся объясняют, что к признанию Бога ведут разум и вера. Наблюдая и изучая окружающий нас мир, “чистые сердца и открытые для Истины люди, умеющие видеть красоту, гармонию и целесообразность мира, много узнают о его Создателе”. Еще более эффективно действуют в том же направлении “загадочные и необъяснимые явления, которые не только верующих, но и людей, не склонных к духовной жизни, ставят перед очевидностью проявления Творческого бытия”. “Такие явления носят названия религиозных чудес..., – поясняет автор учебного пособия. – Это могут быть чудесные исцеления, откровения, мироточения икон и другие” (с. 45, 46). Учащимся рекомендуется верить в эти

чудеса, так же как принимать в качестве абсолютной истины все положения Священного Писания. Описание сотворения мира из книги “Бытие” подается в качестве примерно такого же исторического факта, как Крещение Руси. Пособие рассчитано на освоение основ православной религии не как памятника культуры мирового значения, а как безусловной и абсолютной истины, как руководства к жизни. “Дело не спорится – углам помолись”, – советует учебное пособие, обращаясь к народной мудрости (с. 125).

Еще одна мысль, неуклонно проводимая в книге, состоит в том, что православие представляет собой лучшую, самую истинную из всех религий, как нехристианских, так и христианских. Отметив, что “в современном мире к христианству относят себя три основных по численности направления: православное, католическое, протестантское”, автор заявляет: «Восточная (Византийская, Греческая) Церковь продолжает строго следовать первоначальной, раннехристианской, от святых апостолов традиции, прочно закрепив за собой название “ортодоксия”, или “православие”» (с. 26). Истинность православия ассоциируется с защитой христианства от ересей (с. 35). Отсюда и нелюбовь к “сектам”, т.е., как поясняется учащимся, “религиозным общинам, отколовшимся от господствующей Церкви” (с. 10, 11).

Светский характер первого и, видимо, самого распространенного, официально одобренного учебного пособия “Основы православной культуры” вызывает сомнения. Академик Российской академии образования, министр образования РФ в 1990 – 1992 гг. Э.Д. Днепров полагает, что новый Закон “Об образовании в Российской Федерации” “фактически устанавливает в светской школе преподавание религии как общеобразовательного предмета и при этом за государственный счет”⁴¹.

В учебном пособии говорится, что “патриотизм и верность православию у русского народа так естественно сочетаются с терпимостью к другим вероисповеданиям” (с. 16). Насколько последовательно проводится эта мысль? О крайне неприязненном отношении к “ересям” и “сектам”, к “лжечтениям” говорилось выше. А вот оценка иудаизма. Описывая по “Повести временных лет” как князь Владимир выбирал веру, автор пособия сочла уместным процитировать его отзыв об иудеях: “И вот, наказываемые Богом, дерзаете учить других? Мы не хотим, подобно вам, лишиться своего Отечества” (с. 60). Стоит ли удивляться, если прилежный ученик распространит

⁴⁰ См.: *Бородина А.В. Основы православной культуры. Учеб. пособие для учащихся.* Изд. 6-е, испр. М., 2011.

⁴¹ *Днепров Э.Д. Две эпохи образовательного законодательства // Независимая газ. 2012. 15 нояб. С. 3.*

такое овеянное традицией отношение на своих одноклассников, выбравших в рамках ОРКСЭ не ОПК, а ОИК? Кстати, говоря о происхождении христианства, А.В. Бородин не упоминает о его родовой связи с иудаизмом, как и о том, что иудеи (в православной интерпретации) были “наказаны Богом” за нетерпимость к секте “и ереси”, т.е. к отколовшемуся от господствовавшего иудаизма христианству.

Терпимость провозглашается в учебном пособии только применительно к иным вероисповеданиям. Что же касается “новой атеистической идеологии”, она объявлена “совершенно чуждой традиционной русской культуре, формировавшейся веками на православных идеалах любви, добра и смирения” (с. 21). Не следует ли в таком случае и основы светской этики исключить из ОРКСЭ как чуждое и вредное явление? Цитируемые в учебном пособии без комментариев, т.е. признанные образцовыми, стихи иеромонаха Романа (Матюшина) подсказывают именно такое решение:

*“Без Бога нация – толпа,
Объединенная пороком,
Или слепа, или глупа,
Иль, что еще страшней, – жестока”* (с. 23).

Официально одобренное учебное пособие и отдаленно не напоминает идеологически нейтральное культурологическое изложение предмета. Это пропаганда православия в школе, которая противоречит светскому характеру образования в государственных и муниципальных организациях, провозглашенному в Законе “Об образовании в Российской Федерации” 2012 г. (ч. 6 ст. 3) одним из “основных принципов государственной политики и правового регулирования”.

* * *

И религиозные, и государственные деятели рассматривают нынешнее состояние обучения ОРКСЭ как первый шаг в процессе внедрения религии в систему государственного образования.

В январе 2011 г. на XIX Международных рождественских образовательных чтениях Патриарх Московский и всея Руси Кирилл заявил, что обсуждавшийся в то время новый Закон “Об образовании в Российской Федерации” должен “гарантировать возможность духовно-нравственного воспитания детей на основе исторических и культурных ценностей православия и других традиционных для нашей страны религий ... в течение всего времени обучения ребенка в школе”⁴². Госу-

дарственная власть оперативно откликнулась на эти пожелания. Сообщалось, что в октябре 2011 г. “Правительство РФ дало поручение Минобрнауки разработать концепцию преподавания ОРКСЭ на всех ступенях начального и среднего образования”. Концепция была разработана и передана для согласования в религиозные организации⁴³. Инокня Ксения, руководитель юридической службы Московской Патриархии, при подготовке нового Закона об образовании вносила предложения оборудовать в школах моленные комнаты и помимо обязательного предмета ОРКСЭ включить в вариативную часть школьной программы изучение основ веры традиционных для России религий⁴⁴. На XX Рождественских чтениях выдвигалась идея о бюджетном финансировании православных общеобразовательных учреждений⁴⁵. Эти предложения поддержала в Государственной Думе межфракционная депутатская группа по защите православных ценностей⁴⁶.

Наряду с расширением преподавания ОРКСЭ планируется повысить внимание к религиозной проблематике в рамках других предметов. В подготовленном Министерством образования и науки проекте концепции учебно-методического комплекса по отечественной истории говорится: “История религий, в первую очередь православия, должна излагаться системно и пронизывать собой все содержание учебника”⁴⁷.

Школой дело не ограничивается. В детских садах Подмосковья преподается факультативный курс “Добрый мир православной культуры для малышей”⁴⁸. Не отстают и высшие учебные заведения. Во многих университетах возникли кафедры теологии. В ряде случаев их возглавляют духовные лица. Обращение видных российских ученых в Министерство образования и науки с требованием закрыть кафедру теологии в Национальном исследовательском ядерном университете (МИФИ) было оставлено без внимания. Восторжествовало мнение, высказанное еще в 2003 г. президентом РАН Ю. Осиповым: “Самое важное состоит в том, что общими усилиями мы устранили искусственное разделение ученых на светских и церковных”⁴⁹. Экспансия религии в государственную систему образования нарастает.

⁴³ См.: НГ-Религии. 2012. 5 дек. С. 4.

⁴⁴ См.: там же. 2012. 21 нояб. С. 1.

⁴⁵ См.: Независимая газ. 2012. 24 янв. С. 2.

⁴⁶ См.: там же. 2012. 19 нояб. С. 2.

⁴⁷ НГ-Религии. 2013. 17 июля. С. 2.

⁴⁸ Там же. 2011. 7 сент. С. 2.

⁴⁹ Независимая газ. 2013. 17 июня. С. 8.

⁴² Независимая газ. 2011. 25 янв. С. 2.